

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.153.109>

УЧЕНЫЙ И ЭПОХА ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ (В.В. БАРТОЛЬД)

Научная статья

Жалменова О.П.¹*

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (zhalmenova[at]rambler.ru)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема восприятия революционных и военных событий 1917–1920 гг. ведущим российским востоковедом, работавшим в Петербургском университете. На основе малоисследованного эпистолярного наследия Василия (Вильгельма) Владимировича Бартольда (1870–1930) выясняется взаимосвязь изучаемых им научных вопросов с действиями человека в его профессиональной и бытовой жизни. В статье предпринята попытка рассмотреть особенности «встраивания» ученого в эпоху резкой трансформации власти через разрушение стереотипов. Утверждается, что линия жизни и стиль поведения становятся своеобразным «маркером» эпохи, а первоначальное внешнее неприятие власти завершается успешным сотрудничеством во имя науки.

Ключевые слова: власть, ученый, востоковед, В.В. Бартольд, революция, ценности, сотрудничество.

SCIENTIST AND THE AGE OF POWER TRANSFORMATION (V.V. BARTOLD)

Research article

Zhalmenova O.P.¹*

¹ Tambov State University named after G.R. Derzhavina, Tambov, Russian Federation

* Corresponding author (zhalmenova[at]rambler.ru)

Abstract

This article examines the problem of perception of the revolutionary and military events of 1917–1920 by a leading Russian orientalist who worked at the University of St. Petersburg. Based on the understudied epistolary heritage of Vasily (Wilhelm) Vladimirovich Bartold (1870–1930), the interrelation of the scientific issues he studied with the actions of a person in his professional and everyday life is clarified. The paper attempts to examine the specifics of the scientist's 'integration' in the era of sharp transformation of power through the destruction of stereotypes. It is argued that the line of life and style of behaviour become a kind of 'marker' of the epoch, and the initial external rejection of power ends with successful cooperation in the name of science.

Keywords: power, scientist, orientalist, V.V. Bartold, revolution, values, co-operation.

Введение

Представление об ученом включает в себя, как правило, определенный набор стереотипов поведения, противопоставляющий такого человека всем остальным. При этом стереотипы разрушаются в период политической нестабильности, разделяя группу на множество самостоятельных подгрупп, каждая из которых вынуждена резко менять и выбирать иную линию поведения. В условиях, продиктованных форс-мажорными обстоятельствами, особенно ярко проявляется внутренняя, глубинная, подсознательная сущность человека науки. Может быть проявлена как слабость и «уход от действительности», так и стойкость духа, своеобразный героизм повседневности, особенно ярко проявляющийся в периоды переходной эпохи.

В статье применены как общенаучные, так специальные методы исследования: сравнительно-исторический, конкретно-исторический, системно-исторический и метод диахронического анализа.

Основные результаты

Предметом нашего исследования стали ментальные установки и их реализация одного из представителей ученого сообщества Петербурга конца XIX – первой трети XX в., востоковеда Василия (Вильгельма) Владимировича Бартольда (1869–1930). Основным источником стали принадлежащие перу В.В. Бартольда личные письма к деятелям науки и друзьям, находящиеся в архиве АН С-Петербурга и Ташкентском архиве Республики Узбекистан. Эпистолярное наследие ученого позволяет выяснить тот особый «дух эпохи», который привел к формированию у известного востоковеда особых черт характера. Подчеркивая свою аполитичность, он стремился сосредоточиться исключительно на научных вопросах. Однако ученому приходилось жить в эпоху страшных потрясений, катастрофических изменений привычного образа жизни. Появление новой власти, новой политики принималось далеко не сразу и далеко не всеми. Научную интеллигенцию Петербурга, к которой принадлежал В.В. Бартольд, угнетали тяготы повседневной жизни, разруха, голода и холод. Это, в свою очередь, неизбежно накладывало отпечаток как на поведенческие стереотипы, так и на ценностную ориентацию.

Яркой иллюстрацией нестандартности поведения В.В. Бартольда в отношении с властью оказался конфликт, связанный с редактированием В.В. Бартольдом журнала «Мир ислама» (1912–1913 гг.). Чиновниками Министерства внутренних дел было усмотрено проявление со стороны ученого национализма. Востоковед, в свою очередь, обвинил правительство в создании журнала как орган не столько для беспристрастного изучения ислама, сколько для борьбы с исламом и панисламизмом. Неуступчивость ученого и его нежелание идти на поводу у власти привели к смещению

В.В. Бартольда с поста редактора журнала. Ученый глубоко переживал это событие, считая подобное вмешательство грубой и невежественной силой естественным в России, однако не намеревался впадать в уныние и сидеть сложа руки [1]. Именно глубокая преданность В.В. Бартольда науке позволяла не скрывать своих антипатий к самым высокопоставленным царским чиновникам. Сохранившиеся письма востоковеда свидетельствуют о твердой позиции ученого, не поступившего своей научной совестью ради сохранения портфеля редактора солидного журнала. В.В. Бартольд остро реагировал на негативное отношение правительства к отечественным востоковедам и потому, что занятия наукой считал делом государственной важности [2].

Революция февраля 1917 года была воспринята В.В. Бартольдом в общем весьма сочувственно, хотя он осторожно высказывал мнение, что ему и его современникам «придется испытать только неприятности переходной эпохи» [3]. После событий октября 1917 г. для В.В. Бартольда, все происходившее стало, по его словам, «мрачным и непонятным». Он отмечал распространившиеся в Петербурге тревожные настроения. Ученый в письмах выразил понимание, что «состояние общества было пропитано осознанием краха и кризиса существующего строя, причем каждый день приносил события, далеко оставляющие за собой самые пессимистические ожидания». Резкие перемены 1917 года негативно сказались в преподавательской, научной и повседневной жизни ученого, что привело его к очень пессимистическому выводу: «видимо, жизнь готовит еще много сюрпризов, не говоря уже о материальном ущербе от неуплаты в срок жалования, закрытия банков и прекращения платежей по купонам» [4]. Встречая новый, 1918 год, он остро осознавал возможное существенное изменение образа жизни своей семьи. При этом сопротивляться властям, участвовать в митингах, активных действиях В.В. Бартольд не мыслил. Глубокое исследование событий средневековья, особенно нашествия монголов, истории которого он посвятил фундаментальный труд, позволяло ему представлять последствия произошедших событий революции: противостоять разрушительному потоку для него не имело смысла. Как истинный ученый, он пытался лишь отстраненно наблюдать и кратко фиксировать события в письмах.

С завершением активных революционных процессов В.В. Бартольд попытался найти компромисс, занимаясь, как и ранее, преподавательской деятельностью в университете. Он не слишком жаловал новую, советскую власть, обвиняя ее прежде всего в пренебрежении к научному востоковедению. Высказывались ученым и крайне нелицеприятные слова по отношению к носителям этой новой власти, в частности, к А.В. Луначарскому. Не принимал В.В. Бартольд и появившегося на этом посту А.С. Бубнова, который, по мнению ученого, стремился доказать, что между диктатурой пролетариата и процветанием науки никакого противоречия нет, однако жизнь демонстрировала другое. 1918 год явился наиболее тяжелым и для страны вообще, и для ученого в частности. Большинство ученых было не в состоянии разобраться в происходившем и поэтому отстраненно воспринимали действительность, приспособлялись, но не пытались воздействовать на обстоятельства, понимая невозможность изменения судьбы. В.В. Бартольд в этот год тоже впал в уныние, а в день своего 49-летия он считал вполне возможным, что пятидесятый год будет последним в его жизни, настолько невыносимыми были ее условия. При этом главным желанием ученого в столь трудные годы была отнюдь не эмиграция, которую он считал неприемлемой для себя и своей семьи [5]. Возможно, что причины подобного неприятия эмиграции ученым исходили из его понимания задач и роли русской науки, которая была для него всегда важнее международной, хотя он и в последней принимал деятельное участие. Востоковед неоднократно отвергал предложения постоянно жить и работать за границей, где ему, как ученому с мировым именем и основателю школы изучения истории Средней Азии, предлагались самые выгодные условия. Он хотел работать и работал для блага науки России.

В период гражданской войны, в эпоху нивелирования культурных традиций и потери идеологической ориентации особую остроту приобрела проблема ценностей. Большинство представителей ученого сообщества даже в столь тяжелые годы имели свои ценностные ориентиры, отличали действительные ценности от временно утверждаемых и провозглашаемых, стремились принести пользу стране прежде всего своей непосредственной профессиональной деятельностью. В.В. Бартольд не был исключением, и в эти годы думал о том, как «дожить до возобновления настоящей культурной работы и принять участие в этой работе на пользу единой и разумной России» [6]. В условиях тяжелой зимы 1918/1919 гг. он жил в неотапливаемом полуподвальном помещении на Васильевском острове Петрограда, и был поражен уровнем хозяйственного разорения и нравственного одичания. Но прежде всего его беспокоила непоследовательность властей по отношению к науке, отсутствие возможности плодотворно работать и публиковать исследования. В письмах он страдает по поводу невозможности выезжать за границу для работы в библиотеках и архивах Европы, для встреч с зарубежными коллегами. Это подтверждает, что все политические события задевали ученого скорее в связи с его профессиональной деятельностью, и гораздо менее заботили как обывателя. Поражает целеустремленность ученого, который никогда не отделял своих работ от общих задач русской науки и русской культуры.

Востоковед был убежден, что на работе отдельных ученых не могут не отражаться необходимость тратить время на получение разными путями продуктов и товаров. И все же выражая недовольство отдельными порядками, востоковед не позволял слишком резких замечаний в адрес новой власти. С одной стороны, до конца своей жизни он скептически относился к этой власти, но с другой, открытых антисоветских действий не предпринимал. В.В. Бартольд не желал даже вникать во многие аспекты реформаторской деятельности, и старался уклоняться от всяких «деловых» заседаний, считая, что если и может приносить какую-нибудь пользу академии и университету, то только работами по своей специальности. Следует заметить, что «уклониться» от общественной деятельности ученому так и не удалось и после установления новой власти, он в 1924–1930 гг. был активным участником многочисленных мероприятий Советской власти.

Как видно из переписки, В.В. Бартольд принадлежал к той части профессиональной научной интеллигенции, которая, не поддерживая новую власть, тем не менее считала необходимым вступить с ней в некое сотрудничество, что

являлось определенным компромиссом между российской интеллигенцией и большевистским руководством в период до создания в Советском государстве собственной, «рабоче-крестьянской интеллигенции».

Сам же В.В. Бартольд считал необходимым в своей работе руководствоваться только требованиями научной мысли и научной правды, «без подчинения предвзятым теориям и без уступки временным тенденциям» [7], каковым он считал марксизм. Востоковед осмеливался участвовать в издании зарубежных научных сборников (в частности, в Праге), за что подвергался унижительной травле. Он уходил от понятий «общественно-экономическая формация», считал Марксову характеристику экономики Востока «неудачным признанием Маркса» [8], намеренно не употреблял термина «феодализм» по отношению к Востоку, за что нещадно критиковался [9], [10].

Заключение

В целом частота упоминания событий в эпистолярном наследии позволяет выяснить степень погруженности автора в те или иные проблемы. Около четверти всего объема материала связана с обсуждением личных и семейных проблем, или является откликом на переживаемые политические события. Гораздо больше внимания ученый уделяет научным, организационным, либо университетским событиям и вопросам. Тем самым письма В.В. Бартольда отразили своеобразную потрясающую силу духа. Он показывал типичность настроения той части ученых, для которых фанатичное служение именно русской науке оказалось сильнее стремления к обывательскому покою или устроенности эмиграции.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз.). — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. Письма В.В. Бартольда Н.П. Остроумову. От 28.11.1912 г. — Л. 213-214.
2. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 25.02.1912 г. — Л.205 об.
3. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 31.03.1917 г. — Л.258 об.
4. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. — От 28.12.1917 г. — Л.271.
5. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 20.10.1918 г. — Л.287; от 09.03.1920 г. — Л.322.
6. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 20.10.1918 г. — Л.288 об.
7. Бартольд В.В. Из прошлого академического востоковедения. Неопубликованная статья. 1926-1929 гг. / В.В. Бартольд // Архив Академии наук (далее – ААН). — СПб. — Ф. V. — Оп. B. — Д. 60.
8. Бартольд В.В. Наброски по методологии истории / В.В. Бартольд // ААН СПб. — Ф.68. — Оп.1. — Д.247. — Л.53.
9. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 15.05.1920 г. — Л. 332.
10. ЦГА РУз. — Ф.1009. — Оп.1. — Д.27. От 15.05.1920 г. — Л. 334.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan] (hereinafter – CSA RUz.). — F.1009. — Op.1. — D.27. Letters from V.V. Bartold N.P. Ostroumov. From November 28, 1912. — L.213-214. [in Russian]
2. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 25.02.1912 — L. 205. [in Russian]
3. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 31.03.1917. — L.258 vol. [in Russian]
4. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 28.12.1917. — L.271. [in Russian]
5. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 20.10.1918. — L.287; dated 09.03.1920. — L.322. [in Russian]
6. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From October 20, 1918. — L.288 vol. [in Russian]
7. Bartold V.V. Iz proshlogo akademicheskogo vostokovedenija. Neopublikovannaja stat'ja. 1926-1929 gg. [From the past of academic oriental studies. Unpublished article. 1926-1929] / V.V. Bartold // Arhiv Akademii nauk [Archive of the Academy of Sciences] (hereinafter referred to as AAS). — St. Petersburg. — F.V. — Op.B. — D.60. [in Russian]
8. Bartold V.V. Nabroski po metodologii istorii [Sketches on the methodology of history] / V.V. Bartold // AAN St. Petersburg. — F.68. — Op.1. — D.247. L.53. [in Russian]
9. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 05/15/1920 — L. 332. [in Russian]
10. Central State Administration of the Republic of Uzbekistan. — F.1009. — Op.1. — D.27. From 15.05.1920. — L. 334. [in Russian]